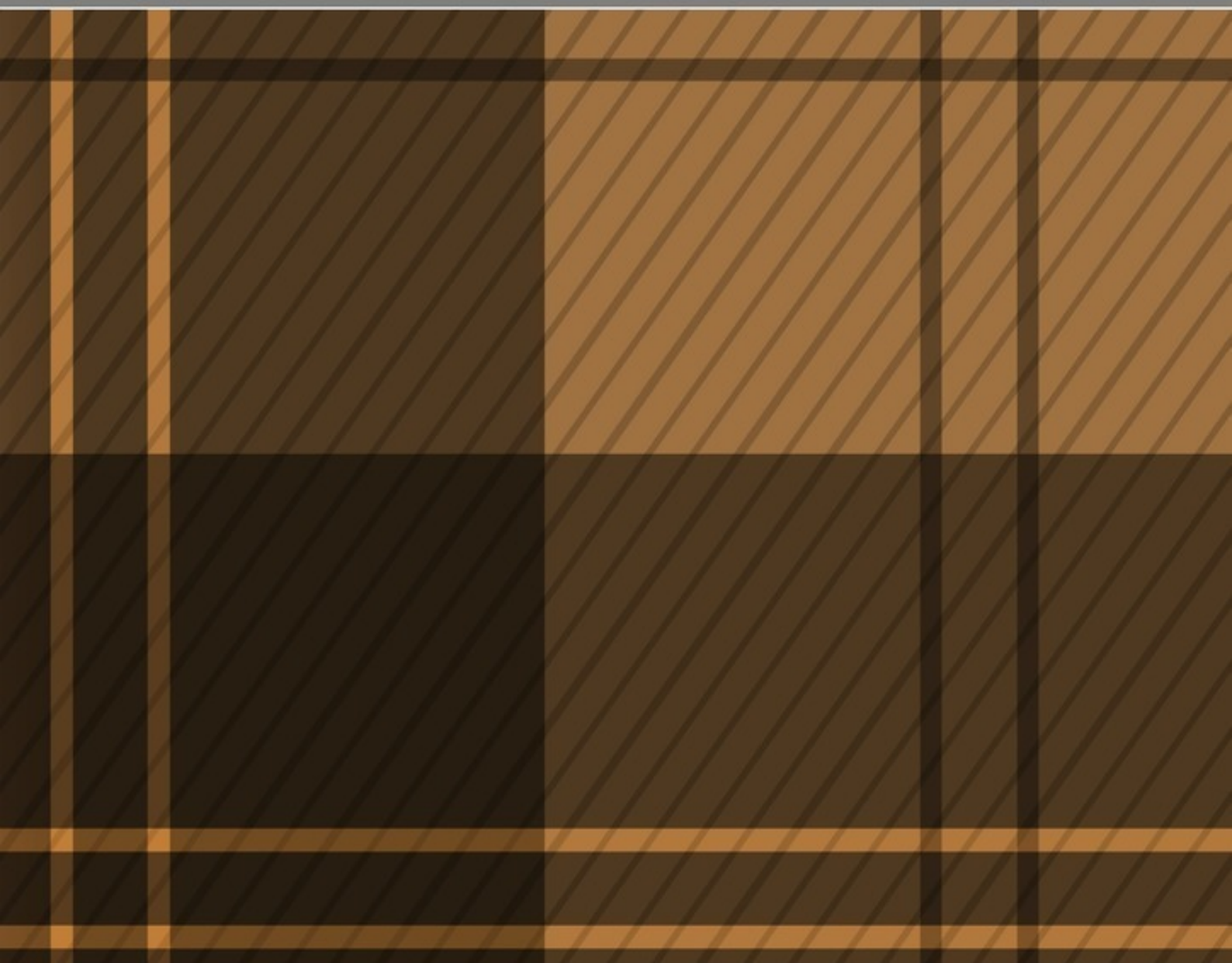

Юрий Косарев

Черная метка

Юрий Косарев

Черная метка

«Издательские решения»

Косарев Ю.

Черная метка / Ю. Косарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746577-3

Срисованные с натуры простые люди, достойные «Черных меток», и украденный сюжет с любого детектива по ТВ, только без убийств и с единственным избиением. «Герои Власти» выдуманы, но очень похожи на настоящих.

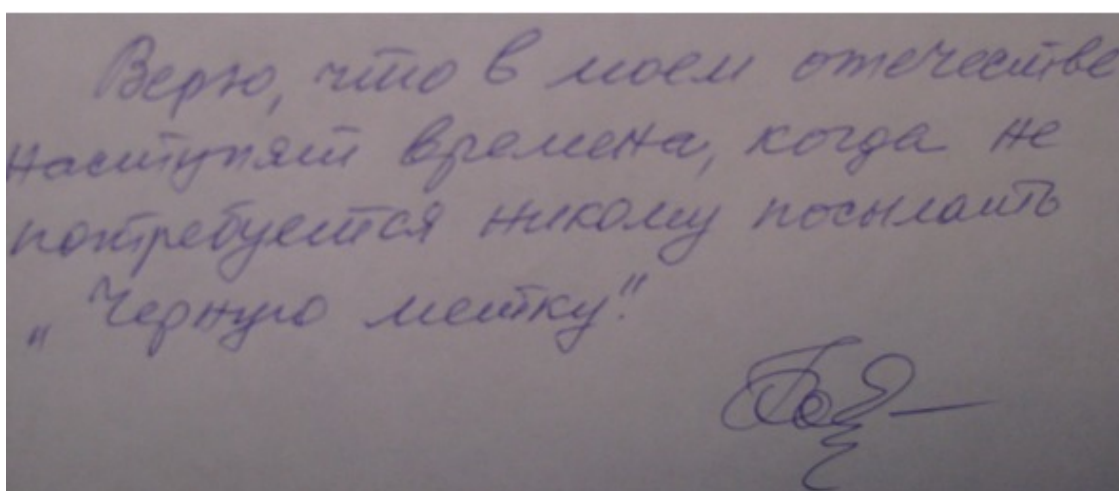
ISBN 978-5-44-746577-3

© Косарев Ю.
© Издательские решения

Черная метка Юрий Косарев

© Юрий Косарев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два слова из высказываний президента – правовой нигилизм. Известное слово – нигилизм, от него сначала пахнет чем-то далеким, столетним прошлым, революционными событиями.

ями, предшествовавшие возникновению советской власти, теперь приобретает иной всеобъемлющий смысл. Слово мало употребляемое последнее столетие, сейчас в этом единственном слове суть всей российской жизни. Пронизанной насквозь от еще не рожденного младенца, в утробе матери до первых лиц в огромной стране. От зачатия новой жизни и до тризны нигилизм цветет пышным цветом. Слова и понятия – честь, совесть, мораль, благородство, подавленные нигилизмом, исчезли из обращения и стали каким-то анахронизмом, пережитком прошлого. Эти выражения перестали употребляться в речах и высказываниях политиков, первых и последних граждан страны. Избегают этих терминов и лучшие люди, совесть нации, выдающиеся умы, признанные авторитеты. Само понятие авторитет подразумевает совсем не тот смысл, что в нем заложен и ассоциируется, не иначе, как со словами вор, воровской, бандитский. Избегают моральных терминов, слов и поступков потому, что боятся показаться не современным, отсталым, никчемным, не уважаемым, наконец. Известные политики страны, выдающийся медик, профессора разных наук не стеснясь, не думаю, что не понимают, говорят и призывают, что с начала влюбленные люди должны пожить несколько лет, а только потом, узаконить свои отношения в ЗАГСЕ. На чем основано подобное утверждение? Пожить половой жизнью? Для чего? Что б достичь полового консенсуса? Искать лучшее? Да всегда, после самого лучшего, есть еще лучшее и предела нет и не может быть. Можно искать всю жизнь и не найти. В народе секс никогда не ставится на первое место, и кто думает так, безусловно заблуждается. Согласно социологическим опросам ему отведена только бронза. А что касается других моментов, для долгой, согласной семейной жизни, то определиться можно и без секса. По всем канонам аморально жить без регистрации. Церковь называет такое поведение блудом, а в народе используется более хлесткое выражение, испокон веков относящееся к презируемым людям. А кое-какие политики и даже ученые гордятся подобным поведением, приводят себя в пример и призывают поступать подобным образом. Одним словом нигилизм. И не только в светских законах, но и в моральных ценностях. Проститутка, приглашенная в ящик гордится своим занятием и корреспондент ставит ее в пример – она умеет зарабатывать деньги. Золотой телец выше всех земных ценностей. В ходу модные, одобряемые выражения – лох, сделал, кинул – молодец, обманул, смошенничал, предал – умеет жить, словом деловой бизнесмен. И подрастающая смена живущим, принимает такое мировоззрение, считает нормальным, верным и достойным. И первым проводником новой морали, правового нигилизма становятся люди, облеченные некоторой властью, даже ничтожной, в погонах или без них. Можно ли сейчас услышать – даю слово офицера. Это выражение можно услышать в старом кино, выпущенном много лет назад. От него исходит чистый, благородный посыл ныне живущим. Офицер задолжал денег и не отдает – в золотом веке он мог быть вызван на дуэль. Сейчас, если обратиться к его непосредственному командиру, можно получить ответ.

– Это его личное дело, я не причем. А как же честь офицера? Хорошо еще, не добавит при этом

– Молодец, кинул, умница, умеет жить.

Правовой нигилизм, о котором коротко и емко сказал президент начался в широком масштабе с перестройки. И проводниками его стали в первую очередь люди, облеченные властью. Используя ее как инструмент, и не встречая должного отпора, убеждаясь в безнаказанности – это движение ширилось, разрослось до невероятных размеров и по сути является сейчас национальным бедствием новой России, первой, реальной угрозой национальной безопасности.

Рассказы, может быть чуть утрированные, объединенные в одно целое, срисованные с конкретных людей, с самых низов, до облеченных властью, показывают всеобъемлющий, во всех областях, цинизм, стоящих на страже закона, правовой нигилизм и размеры коррупции.

В советское время пионерский лагерь Елочка, после падения КПСС, переименовали в оздоровительный комплекс с тем же названием. Старый директор, с молоком матери впитав-

ший коммунистическую идеологию и мышление, руководивший много лет, с приходом нового периода, оказался не способным перестроиться или не сумевший угодить истинным владельцам лагеря, может потому, что уже был не молод, а скорее всего по всем перечисленным моментам, был освобожден от руководства и заменен новым директором – Иваном Леонидовичем Дранка. Высокий, привлекательный мужчина, всегда безукоризненно одет по современному, без галстука и белой рубашки, без официального темного костюма и наглаженных брюк. На нем, как всегда была чистая, отлично отутюженная светлая рубашка и джинсы или светлые не дешевые брюки. Он носил аккуратную бородку-мерлушку, всегда был чисто выбрит и по всем канонам аккуратен и свеж. Его смело можно было назвать молодым, интеллигентным профессором или учителем. В свои пятьдесят, с маленьким хвостиком, по внешнему виду являлся образцом руководителя небольшого, культурной направленности коллектива. И в самом деле он, до лагеря, работал директором дома культуры при крупном предприятии военно-промышленного комплекса. Этим домом Иван Леонидович заведовал уже давно и это было его место. Каждому человеку, в его работе, предначертано его дело. Там, где работник нужен, где ему комфортно, интересно и результат труда доставляет удовольствие – это и будет его место. Директору нравилось заведовать культурой в комплексе. Он с увлечением занимался делами, болел за результат, ладил с подчиненными и руководством. После ухода старого директора лагеря место освободилось. Подходящей кандидатуры сразу не нашлось. Был заместитель у бывшего, который с младых ногтей сжился с лагерем – сначала вожатым, потом старшим вожатым, завхозом и, наконец, заместителем директора. Он был не плохим исполнителем, но стать полноправным, первым лицом в оздоровительном комплексе стать не мог, хотя ему этого и хотелось. Это решал не он, а кто имел такое право, на него не рассчитывали. Ивану Леонидовичу предложили возглавить Елочку, прилепив ему ярлык исполняющего обязанности. И. О. Директора с энтузиазмом принялся за работу. Но быть директором дома культуры или оздоровительного комплекса – большая разница. Обитая в культуре как рыба в воде, в лагере Иван Леонидович столкнулся с множеством проблем, накопленных ранее и решать их было необходимо незамедлительно. Вступив в должность весной, директору необходимо было в два месяца подготовить комплекс к принятию детей и не много и не мало – шестьсот человек. Проблем было столько, что он не знал с чего начинать. И это надо и это и то и пятое десятое. Бывший его предшественник, предчувствуя увольнение с должности, заботился о своем, только собственном положении. Накопил долгов на огромную сумму, разваливались коммуникации и разбежался обслуживающий персонал. С уходом директора и его obsługi, принимая развалившееся хозяйство Иван Леонидович ломал голову с чего начинать и решил, что кадры решают все. Стал набирать работников в лагерь. Из бывших, остался на своем месте заместитель Владимир Евгеньевич, завскладом Валентина Тадызина, да два кочегара – Михаил Павлович Кротов да Николай Шитов – вот и все. Электрик, сантехник, плотник, два кочегара по тем или иным причинам ушли, а без них лагерь функционировать просто не мог. Раньше было восемь кочегаров и работали они по двое или по одному, но через семь дней – и это устраивало всех и администрацию и рабочих. Новые времена, новые требования, только зарплата старая и надо сказать весьма низкая. Найти кочегаров оказалось совсем не просто. Молодые парни, способные кочегарить, как правило подрабатывали нанимаясь на дачи к зажиточным москвичам, где получали приличные деньги. Да большинство из них злоупотребляли алкоголем. На кочегаров были приглашены, по очереди, несколько местных мужиков. Но их пришлось быстро менять. Побеждал зеленый змей. Полупьяные работали плохо, под утро допотопные котлы остывали и с кочегарами пришлось расставаться. Директору это никак не могло понравиться. Он нервничал, иногда корил нерадивых, даже кричал, грозил и в конечном счете прогонял. Приближалось время заезда детей, а неисправностей в обеспечении теплом, водой, оборудованием, самым различным, не убавлялось. Да и сидеть на двух стульях сразу, в доме культуры, где он оставался директором и директором оздоровительного

комплекса никак не получалось. Он мотался туда и сюда, это не ближний свет, около ста километров. Когда его в лагере не было работа прекращалась или велась кое-как. Заместитель его, в делах обеспечения жизнедеятельности лагеря, не принимал – он оставался по-прежнему старшим пионервожатым, да его и рабочие всерьез не принимали. Был в лагере еще один из бывших работников, долго работавший с прежним директором – Григорий Октябрьнович Рошин. Этот прекрасно разбирался в электрике, сантехнике, знал наизусть все проблемы с котельной, очистными сооружениями и вообще со всем хозяйством. Григорий ушел на заслуженный отдых более пятнадцати лет назад, но продолжал работать. Он знал каждый уголок в лагере, каждый мотор, трубу и вентиль, но его не молодых рук явно не хватало на все дырки. Да и возраст давал о себе знать. Оформлен он был электриком и сторожем одновременно, а выполнял практически любую работу, кроме столярки. Из него получился бы хороший заместитель по хозяйству, но возраст, возраст, здоровье, зрение и прочие прелести старости. А кто возьмет на себя ответственность сделать его заместителем директора, если он может в любой момент отказать, как дважды отработавший свой ресурс механизм. И сам Григорий не жаждал места, все по той же причине. Он хотел остаться только сторожем, но никак не получалось. При любой неисправности, поломке, отказе – звали Григория Октябрьновича, и он будучи уже только сторожем, продолжал мотаться на своем москвиче или запорожце, из поселка, где он жил, в лагерь и обратно. Ни раньше, ни позже реальной власти у Рошина не было, ну соответственно этому, его воспринимали другие работники – кочегары, уборщицы, плотники, которые менялись слишком часто, адекватно его статуса – пожилого сторожа. Его выслушивали, кивали, но делали по своему, а жаловаться на других Григорий не мог, не имел права и это походило бы на стук. Фактически он выполнял обязанности заместителя по хозяйству, но не имел ни полномочий, ни желания.

Необходимость иметь толкового заместителя не вызывала у директора сомнений. Он мучительно искал подходящую кандидатуру, которая разгрузила бы его от всегда срочных проблем, возникающих повсюду почти каждый день. То свет отключат, то электропитание тележки для угля выйдет из строя, то трубу где-нибудь прорвет или засорят и много, много всего в огромном хозяйстве, расположенном на сорока пяти гектарах земли. Вместе с тем директор ревностно относился к своей власти в лагере. Делиться ей не хотел. Пытался руководить, вникать во все мелочи лагерной жизни и естественно его не хватало на все. Не страдая отсутствием памяти, он все же многие мелочи забывал, да и не только мелочи. Невозможно объять необъятное. Руководитель должен уметь руководить и только отвечать за все про все. Ему необходимо было решать главные вопросы комплекса, а не распыляться по мелочам. Большое грязно-черное здание котельной, работающей на угле, допотопное оборудование, котлы, давно отслужившие свой век – требовали замены. Генератор тока, гремющий и ревуший при запуске, при отключении электричества, работающий пятый или шестой десяток лет, четверть века, стоящее у входа здание не достроено и на потолке или полу третьего этажа, как хотите, выросли деревья, газ, которого нет в лагере, находится менее чем за пятьсот метров от территории, тухлая вод из скважины, разваливающееся здание профилактория – и директор уже третий год не может ничего сделать. Нет денег? А кого и когда их было достаточно?

Кандидатура стоящего заместителя замаячила на горизонте. В лагерь пришел работать, точнее приехал на иномарке, местный специалист по сантехнике, котлам, очистным и водонапорным сооружениям. Павел Иванович, или просто Иваныч, так стали его звать, рьяно взялся за дело. Поскольку помощников у него просто не было, а командовать некем, то он все делал сам. Клал кирпичи, крутил вентили на трубах, резал, варил газовой и электросваркой. Директор по началу не нарадовался на Иваныча, официально объявил его своим заместителем по хозяйственным делам. Все же подчиненные у Иваныча были – четыре кочегара, да четыре сторожа, да два гастробайтора из Таджикистана. Но сторожа прекрасно знали свои обязанности и им было все равно, есть Иваныч или его нет. Кочегары тоже, если не были пьяны, не замечали Иваныча, да и он не лез в их работу. Единственные его подчиненные, которыми он мог

командовать -два узбека, не брались ни за какую работу, требующую хоть какой-то квалификации. Их обязанности, это подмести, отнести, погрузить, перетащить и так далее. Это они добросовестно выполняли.

Так же как и Григория – Иваныча на все не хватало. Он поостыл, зачем переламываться, если денег все равно больше не будет и когда директор отсутствовал, стал уходить с работы пораньше. Немного позже директор принял на работу еще двух мужчин – местных, из ближайших деревень. Оба ездили на работу на машинах. Один устроился электриком, другой – плотником. Оба должны были обслуживать десяток жилых корпусов, тысячи лампочек, десятки электроштитов, предохранительных автоматов, двигателей и моторов и все это хозяйство электрика. У плотника здания, двери, окна, кровати, замки, сотни поломанных стульев на складе, а также крыши и различные пристройки и все это на одного. Хватало за глаза.

Иваныч пытался контролировать работу двух своих квалифицированных работников, но это оказалось невозможным. Были заведены книги учета проделанной работы для каждого специалиста. Но отсутствие каких либо норм на ту или иную работу свели на нет начинание Иваныча. Менять испорченный замок можно час, можно два или десять минут – где найти истину? Учет кончился, почти не начавшись.

Директор частенько отсутствовал, а Иваныч руководить, организовать и контролировать работу не смог по настоящему. Нет директора – нет работы или почти нет. Приезжая, директор корил работников, даже кричал, хотя доказывать справедливость выговоров у директора было нечем. Но недовольство обеих сторон становилось фактом. Иваныч тоже сорвался на крик и произошла серьезная ссора. Все трое – электрик, столяр и Иваныч уволились. Хорошо еще, что оздоровительный сезон кончился и лагерь опустел. Работали, точнее сидели и смотрели телевизор, только сторожа – даже кочегары перестали топить.

Михаил Павлович Кротов – бессменный кочегар последние восемь лет, родился и вырос в соседнем с лагерем селе, правильной будет, лагерь построили рядом с селом,

Расположенном на другом, крутом берегу реки. У него когда-то были и жена и ребенок. Но это было все давно, в прошлом. Дом Михаила в деревне сгорел, вместе с матерью, братья померли, а Михаил продал остатки сгоревшего дома, вместе с землей и перебрался в Сосновку, где ему выделили комнату в бараке, где он и жил, пока барак тоже не сгорел. С тех пор Михаил Павлович и бомжевал, живя то у одной старухи, то у другой ипил горькую. И один и со старухами. Обычная картина, никого не удивляющая – Мишка лежит у магазина или его везут на тачке к старухе. Когда последняя умерла из-за беспробудного пьянства и по возрасту – ей было за семьдесят, Мишка пристал к Елочке, устроился кочегаром и работал ипил. Переставлял ноги, согнутые в коленях ипил. Директору это ужасно не нравилось, но Мишка работал и выполнял свои обязанности добросовестно. Опершись на совковую лопату, глотал воду с похмелья, мечтая о новой порции водки и работал. Ловко кидал уголек в топку, вытаскивал, когда было необходимо шлак и отвозил в кучу на улице. После смены опять напивался до состояния, когда ноги переставлять уже не мог. Кроме кочегарки Мишка еще подрабатывал в лагере дворником, поливал газоны, подметал дорожки, пилил бензопилой не нужные на территории деревья и выполнял любую другую работу, которую поручал лично директор. Много кочегаров сменилось, а Мишка продолжал работать и пить. Директор, практически насильно заставил Михаила Павловича, он так уважительно относился ко всем, закодироваться. Мишка непил месяца два. Ходил за ягодами, грибами и даже продавал их отдыхающим и вообще стал похож на человека. Но сезон отдыха кончился, директор уехал в свой дом культуры и Мишка снова напился. Его привезли из Сосновки к лагерю пьяные друзья, один из которых был за рулем. Как мешок вытащили Мишку из машины и усадили на лавочку. Сидеть он еще мог. Из рта и из носа у него свесились сопли, слюни и последняя закуска. Друзья весело и вполне серьезно предложили.

– Миша выпить хочешь?

Мишка долго молчал, видимо соображая, потом нечленораздельно то ли пропел, то ли промычал.

– Наливай.

Ему поднесли, совсем немного, на один палец в стакане. Он выпил, закрыл глаза и повалился на бок. Сторож у ворот Елочки, присутствующий при этой сцене, сказал еще не падающим друзьям Мишки.

– Отнесите в его каморку, пусть спит под крышей. Не ровен час дождь пойдет.

– Сейчас он окалывается и сам дойдет.

Сели в машину и с визгом, с пробуксовкой

развернулись и улетели. По дорожке к воротам, увидел сторож, идут Ахмет и Алик.

Дед попросил их оттащить бесчувственное тело Мишки к нему в комнату. Они подхватили Мишку под руки и понесли. Его ноги, как две чурки волоклись по земле. Мишка проснулся, ухватился обеими руками за железные прутья калитки. С трудом Алик оторвал их и они усадили Кротова на пожухлую траву и постарались придать его телу вертикальное положение. Но Мишка повалился на бок. Потом неестественно в склоненном положении застыл.

– Ребята сходите за тележкой.

Ни слова не говоря, Ахмет ушел и вскоре вернулся с низкой, широкой тележкой. Мишка никак не хотел укладываться, однако трезвые и сильные парни уложили его на тележку, на спину. Ноги и голова Мишки, оказались на весу, а у него не хватало сил ни повернуться, ни соскользнуть, хотя такие попытки он делал. Смирившись и успокоившись Мишка покорился и парни увезли в его в обитель.

Директор уже знал, что Кротов опять стал пить, но бороться с этим Иван Леонидович уже не имел ни сил ни желания. А Мишка, понимая, что его вышвырнут из Елочки, если он перестанет работать и поэтому в любом состоянии выполнял обязанности кочегара, дворника, лесоруба и всего на свете, о чем бы директор не просил.

Второй, постоянный кочегар – Николай Шитов, мужик из соседней деревни, имел свой дом, хозяйство, в лагерь ездил на драном, столетнем Лиазе или ходил пешком, вооружившись стальной пикой из толстой проволоки, для защиты от бродячих собак. Отработает сутки, завязав нос и рот платком, с восьми до восьми и уезжает домой тихо и безмолвно, махнув сторожу рукой.

В лагере было трое гастербайтеров. Рома, Ахмет и Алик. На самом деле их звали по другому, но имена им переделали на русский манер. Рома, двадцативосьмилетний узбек, приехавший из Узбекистана на заработки, попал в лагерь вместе с Ахметом. Он был шустрый парень, балагур, разъезжал по территории на лагерном драном велосипеде, резко останавливался, крутя педали кривыми ногами. Крепкий, молодой, выполнял работы по уборке, разгрузке-погрузке. Основной же работой для всех узбеков была котельная. Они по очереди, сутками, топили печи, подвозили уголь, выгребали шлак и поддерживали в котлах заданную температуру, обеспечивая теплом и водой нужды лагеря. Рома работал с лентой и когда директора не было, мог, в отличие от Ахмета, мог долго бездельничать. Он был уже заматеревший мужчина и его тянуло к женскому полу. Пользовался услугами проституток, которых было видимо-невидимо на трассе, приглашал их в лагерь, в свою комнату и через несколько часов провожал. Во время летней компании, когда в лагере отдыхало несколько сотен детей, среди которых, в старших отрядах, были девочки, развитые не по возрасту. Рома начал не двусмысленно приставать к девчонкам. Это было замечено, или кто-то пожаловался, но директор не на шутку испугался и в одночасье дал узбеку от ворот поворот.

– Не дай бог, случится изнасилование, головы тогда не сносить. – предположил Иван Леонидович и немедленно прогнал Рому. На этом пребывание этого гастербайтера в лагере и закончилось.

Ахмет был совершенно другого склада. Совсем молодой, зеленый, двадцатилетний, рыжий парень крепкого телосложения, с пунцовыми щеками. По его щекам сотрудники лагеря не раз шутили.

– Если Ахмет сможет пролезть сквозь решетку окна, то обязательно зацепится щеками и застрянет.

Молчаливый, плохо говорящий по-русски, но отличный работник, не отказывающийся ни от какой работы. Если Рома, когда никого из руководства не было, мог долго говорить по телефону, бесцельно кататься на велосипеде, то Ахмет трудился не покладая рук, даже когда в лагере никого не было. Один летний сезон ему предложили работать на кухне. Кухонные работники не нарадовались на Ахмета. Всегда безотказно поможет и поднесит тяжелые котлы и разгрузит машину, порубит и порежет мясо и вообще сделает все, о чем не попросят и не только директор, бухгалтер, повара, но и завскладом и котломой или уборщица. За свою работоспособность, отзывчивость и трудолюбие, Ахмет пользовался всеобщим уважением. И директор тоже был весьма доволен таким сотрудником. Но хоть и очень молодой, но вполне созревший мужчина, Ахмет тоже хотел женщину. Работая на кухне, он ел мясо с салом, сам готовил прекрасный плов. В тихом омуте черти водятся. Молчком, втихоря, Ахмет целовался с заведующей складом, сорокалетней женщиной, вполне приятной наружности, хотя уже и бабушкой. У нее была дочь, которая уже имела своего ребенка. Спустя некоторое время завскладом и Ахмет стали жить, как говорится, по хорошему. Они добились для себя одной комнатки в лагере и по сегодняшнему, превратились в гражданскую жену и мужа. Сначала к этому все, в том числе и директор, отнеслись спокойно, но последующие события лагерной жизни эту идиллию, порушили.

Алик, тоже узбек, родной, старший брат Ахмета, был другой. Ему было давно за тридцать, дома в Таджикистане у него была семья, четверо детей и он получил высшее образование у себя на родине. Окончил институт и работал в школе учителем арабского языка. Отсталость страны, низкая зарплата, заставили его также, как младшего брата, податься на заработки в Россию. Связи со своей семьей он не терял, регулярно ездил на родину и опять возвращался, потому что заработать в России можно было гораздо больше. Оформляясь законно в Москве или Владимире, он работал не вступая в конфликт с законом. У Ахмета положение было другое. Он жил уже несколько лет во Владимирской области, как-то оформляясь не совсем легально и домой в Таджикистан возвращаться не собирался. Да ему и нельзя было, потому, что его могли прямо с вокзала забрать в армию. Выражаясь бытующим ныне выражением, Ахмет косил от армии, скрываясь в России. И косить ему предстояло – пять лет, по меньшей мере. Да и ему не очень-то и хотелось возвращаться в свою деревню, к выбранной родителями невесте, к тому деревенскому быту, к безденежью, к труду без оплаты, под контролем, без свободы, со стороны старших. Он уже стал привыкать к российской жизни и на половину обрусел.

Главной и единственной, авторитетной, в силу должности, фигурой, в лагере был директор. Он старался вникать во все дырки и мелочи лагерной жизни. Давал ценные указания сторожам, уборщицам, кочегарам – всем работникам лагеря. Заключал договора с подрядчиками на выполнение тех или иных работ, бесконечно мотался во Владимир, Реутов, утрясал и согласовывал различные вопросы с пожарниками, электриками, эпидемиологами, экологами, милицией и еще множеством сторонних проверяющих, контролирующих и поставляющих организаций и фирм. На территории, вверенного ему предприятия скурпулезно следил за чистотой, своевременным выключением света, уборкой мусора и прочей мелочью. По вопросу уборки территории, подбору бумажек на площади перед входом, он просто отчаянно комплексовал. Выезжая иногда рано утром на прогулку, на велосипеде, он запросто мог слезть с велосипеда, подобрать бумажку, бросить ее в урну, красноречиво посмотреть на сторожа-дворника и уехать дальше кататься. Однажды он вышел и стал ходить по краю площади и подбирать мусор. Сторож Игнат Савельевич его, конечно, сопровождал. Иван Леонидович недовольно пробурчал.

– Разве директор должен собирать бумажки на площади перед входом в лагерь? На что Игнат, в тон ему ответил.

– Конечно не директор, – а про себя добавил.

– Если директор собирает бумажки, то ему надо работать не директором, а дворником.

Но вслух этого, конечно, не сказал, надеясь на то, что Леопольд сам додумается до этого. Псевдоним Леопольд директор получил от ребят из детского интерната, которые были в лагере в качестве отдыхающих и работающих одновременно. И когда кто-то был недоволен Иваном Леонидовичем, то называли его Леопольдом. Кличка не обидная – у кота Леопольда был мягкий, добрый характер, всепрощающий и не злопамятный. Иван Леонидович-Леопольд тоже был мягкий, добрый, отзывчивый, уважительно относился ко всем. Называл всех сотрудников, от уборщицы до главбуха, не иначе, как по имени отчеству. Кочегара Кротова – горького пьяницу, называл только Михаилом Павловичем. Исключением были только узбеки – Рома, Алик и Ахмет – их он звал по именам, иначе язык сломаешь, если звать их полным именем с отчеством. Одним словом директор был потомственный интеллигент, голубая кровь и по внешнему виду и по характеру. К нему всегда мог обратиться любой сотрудник с личной просьбой и эта просьба всегда удовлетворялась. Кое-кто этим даже пользовался. Например Валентина Тадызина. Заведовала она складом имущества лагеря, да летом еще занимала должность кастелянши. Ее директор тоже называл по имени и отчеству, а она пользуясь его безотказностью постоянно отпрашивалась с работы. Редкие недели выдавались, когда она работала все положенное время. Сторож Игнат, тоже несколько раз обращался к директору с различными просьбами и добрый Леопольд не отказал ни разу.

Добрый и отзывчивый Иван Леонидович комплексовал по поводу чистоты, света, цветочков на территории. Он запросто заходил в сторожку в одиннадцать-двенадцать ночи с просьбой – в три часа выключить прожектора или сам лично выключал свет в столовой, не спрашивая поваров, не темно ли им. А с цветами на территории особая забота. Он назначил библиотекаря садовником-цветоводом. Сам закупал весной цветы и ревностно следил за их посадками. Заведующая библиотекой формально не отказывалась быть цветоводом, но высаживала рассаду без души и в конечном счете вырастали хилые, непривлекательные цветы. Однажды Леопольд пришел в ужас, когда на захудалой клумбе у входа обнаружил кучку лошадиного помета, который бросил сторож, подобрав навоз от проезжавшей мимо лошади.

– Прикройте поскорей это безобразие – попроси он, – а то скоро придут отдыхающие пенсионеры.

– Хорошо, сделаю – ответил сторож.

Но Леопольд сам, тут же сбегал за травой, лежавшей недалеко в куче, принес и засыпал кучку лошадиного испражнения.

Особым комплексом донимала Ивана Леонидовича кухня. Известно, что на кухне воруют. Она сама на себя работает. Так было, так и будет. Отныне и во веки веков. Воровали и будут воровать. Это раздражало директора до бешенства, до истерики, до рака мозгов, но что делать он не знал. Мучительно искал, но ничего не находил. Не стоило директору так убиваться по поводу воровства. Другое дело его масштаб. В санатории Сосновый например – директор смотрел сквозь пальцы, как воруют повара. Главное, что б отдыхающие не страдали, не жаловались, а то что берут повара – это святое. Адский труд за малую зарплату, длинный рабочий день, в жаре и дыме.

– Пусть берут, от большого взять немножко, не грабеж, а дележка – рассуждал директор санатория. Однажды к нему пришли повара с требованием повысить зарплату – он им ответил.

– А сумки, что тащите домой после смены, забыли? Вот ваша компенсация за тяжелый труд. Но в санатории сумки брали и берут до сих пор только повара, те кто действительно трудится и кто отвечает за качество и вкус пищи. А в лагере заведующая столовой Нинель Александровна распоряжалась продуктами по своему усмотрению. Она делилась, как она говорила

со всеми, к кухне вовсе не имеющие никакого от ношения. Сторожа, завскладом, электрик и даже уборщицы – получали все и надо сказать не по малу. Мясо, масло, сыр, колбаса. И прочие дорогостоящие продукты. Про себя Нинель тоже не забывала. У нее был любовник, молодой человек – милиционер-сержант, который въезжал на территорию лагеря, поближе к кухне и она переправляла продукты в его багажник. Кроме расточительной, не в меру Нинель, крал и завскладом, не доведшая продукты при выдаче. Нинель неоднократно предупреждали другие поварахи.

– Что ты делаешь? Кому суешь продукты? Какое отношение к кухне имеют сторожа, Валентина, электрик, уборщицы? Должны брать только повара, два, три, ну четыре человека, не больше. Но Нинель продолжала упорно делиться со всеми, кто появлялся на кухне, накручивала коробки, сумки – за что в последствии и поплатилась – и поделом. Такое расточительное отношение к продуктам для детей разозлит кого хочешь. Директор комплексовал, психовал, мучился и искал выход. И как ему показалось – нашел. Нинель с позором, с ее слезами, директор отстранил и пригласил бригаду во главе с Хасаном. Полного имени его никто в лагере не знал. Этот взялся за дело круто. На первом же, вступительном, ознакомительном собрании, директор представил его, Хасан взял слово.

– Никто не вправе вмешиваться в дела кухни. Мы будем вкусно и добросовестно кормить, но нам не должны мешать. Никто – подчеркнул он. – Имея ввиду и директора и бухгалтера и врача. Прилюдно, плюнув в лицо, практически всем, во главе с директором, он исключил всякую возможность какого то ни было контроля со стороны администрации лагеря. И директор проглотил эту пилюлю. Может быть в это время он понял свою поспешность с заменой всех рабочих кухни.

Хасан одел весь состав кухни в белоснежные, батистовые халаты, шапочки, перчатки и приступил к работе. На кухне не появилось ни одного постороннего. За этим ревностно следили. Никто продуктов не крал. В первый же день, в первое блюдо надо было положить двадцать кур. Хасан бросил две и четыре упаковки Галина Бланка. Оставшаяся с ним одна старая повариха вытаращила глаза, но что она могла сделать? Тоже самое стало происходить со всеми остальными блюдами и продуктами. Вместо натурального, коровьего молока, от которого Хасан сразу отказался, стали использовать порошковое, добавляя в таких же пропорциях, как кур. Вместо десяти пачек, клали две, три, добавляя сгущенку и воду. Использовались продукты, купленные по дешевке с просроченным сроком хранения и все абсолютно бесконтрольно. Первый же завтрак оказался из рук вон плохим. Выходящего из столовой недовольного Игната Хасан спросил.

– Ну как завтрак?

Сторож поморщился, помолчал, потом процитировал.

– Хозяин плут,

– Пирог дерьмо,

– Едал я ваши именины,

– Подайте шляпу и пальто.

И пошел дальше. Хасан раскрыл было рот, но промолчал. Его в общем-то мало интересовало мнение старика.

– Я свой миллион так и так возьму, пока лох-директор поймет, что к чему, смена и кончится. Связываться с судом никто не станет, все доказательства похеряны в шестистах желудков русских ублюдков.

Так, или примерно так, думал Хасан, глядя вслед удаляющемуся старику.

Никто продуктов не крал, в раздевалках у поваров не пряталось ни масло, ни мясо, ни пачки творога или сосисек. Просто технология воровства, в обильном масштабе, была другой. Как воруют шофера?

Получает водитель утром сто рублей на бензин. Заправляется на сорок пять. За пять рублей покупает, для отчета, чек на сто рублей, а пятьдесят кладет в карман. Вечером накручивает моторчиком километраж на спидометре на сто рублей. Точно такой же технологией воровства, как два маковых зернышка, похожая на только что приведенную, использовал и Хасан, только с сотнями тысяч рублей. Ежедневно Хасан крал больше шестидесяти тысяч рублей, не вынося с кухни ни кусочка.

Очевидность мошенничества Хасана стала общедоступной по кормежке в столовой. Зловещий ропот мог перерасти в серьезный скандал, но смена кончилась. Хасана убрали, да и он с удовольствием убрался от греха подальше с миллионом с лишним в кармане, да еще погрузил в машину и увез остатки продуктов со склада. И здесь, добрейший Иван Леонидович уступил, позволил забрать остатки.

Следующая, последняя смена, кормилась кухонной бригадой собранной заново. Нормальная, допустимая утечка продуктов с кухни продолжилась.

И все таки Иван Леонидович никак не мог успокоиться, избавиться от комплекса по воровству с кухни. И что ему так втемяшилось? Да пусть бы тащили повара, нормальная, естественная, допустимая утечка. Опять же надо менять поваров, другие придут, тоже захотят взять и так до бесконечности. Закон природы – его не переделаешь. Но Леопольда заклинило, зациклило, как заноза, маленькая, а житья не дает. И придумал таки.

Скорее не он, а его жена. Сам Иван Леонидович видный мужик и жена под стать ему. Женщина еще не достигшая бальзаковского возраста, выглядела очень молодо. Отлично сложенная, не крупная и не мелкая блондинка, с прекрасным бюстом и стройными ногами. Утром, спокойная и свежая, отправлялась на велосипедную прогулку с мужем или одна. Безукоризненно со вкусом одетая, с обтягивающими бедра брюками, прямо сидела в седле велосипеда, сама наслаждаясь своим видом. Присутствующие при выезде мужчины, невольно поворачивали головы в ее сторону, что б насладиться великолепным видом сзади.

Иван Леонидович стал советоваться с женой. Кому он мог доверить, терзающий его комплекс по воровству с кухни. В советское время ему не приходилось сталкиваться с такой проблемой, ему и сейчас невдомек, что кухонное воровство, это укоренившаяся привычка, пустившая очень глубокие корни, при развитом социализме. Тащили, иначе крали или воровали все. Даже официально было введено понятие – несун. Объявляли борьбу с несунками, которая кончилась ничем, даже не начавшись. Тащили рабочие, инженеры и колхозники, начальники и подчиненные, государственные, мелкие и крупные, служащие, министры и бомжи. А что говорить о работниках торговли или питания. Конечно, сам бог велел.

– Дорогая, – сказал Иван – что делать, коль с кухни работники тащат продукты?

– Уж если это явление неистребимо – констатировала Марина – надо вышибать клин, клином.

– Это как? – не понял Иван.

– Надо самим воровать, участвовать в этом процессе, возглавить его.

– Ты что хочешь? Что б я пошел на кухню работать?

– Зачем ты, у тебя хватит дел директорских, – я пойду.

– Ты что, хочешь стать поваром, шеф-поваром?

– Нет, дорогой, я не собираюсь работать, я буду следить. Ты оформишь меня, – ну скажем – заведующей, что б все мне подчинялись, выполняли все мои указания, без моего разрешения ни шага, ни в лево ни в право. А воровать будем не так как Хасан, но достаточно будет на безбедную жизнь. Милый, чо нужно сделать, что б стать богатым, ну хотя бы иметь деньги, которых будет много проходить через наши руки. Или больше получать или экономить. – Последнее слово она растянула по слогам.

– Каждый день выкидывается сотни килограмм помоев – их количество надо уменьшить втрое, а сэкономленные помои – деньги. Корова, проданная целиком, стоит в три раза дешевле,

чем проданная по килограмму. Надо делать меньше порции. Строжайшая экономия во всем. От соли и хлеба до паюсной икры и стерляди. Каждому ребенку положено еды на сто шестьдесят рублей, он и не заметит, если будет на сто сорок. А это десять тысяч в день. В котлах, после раздачи, ничего не должно оставаться. Оставшиеся продукты пустим потом, документы будут те, что нужны. Я возьму это на себя, дорогой.

– Ну кем я тебя оформлю? Не работающей единицы нет.

– Придумай, создай, напиши приказ. Я заставлю всех работать с максимальной отдачей. Если кто возмутится или не дай бог, что-то возьмет. Немедленное увольнение, без объяснения причин. Желающих работать полно, кризис, и другим урок. Все молчать будут.

– Хорошо, деловая ты моя.

На том и порешили.

В следующую, третью директорскую оздоровительную компанию, набранному штату кухонных рабочих, была представлена заведующая столовой Марина Ивановна. Что она жена директора безусловно знали все. Если заведующую можно бояться, уважать или нет за деловые качества, то с начальницей, еще одновременно и директорской женой – придется считаться по всем пунктам, но только тихо, про себя, как говорится только на кухне дома.

Даже между собой, в столовой кухне стали бояться и друг друга, так сказать – молчали в тряпочку. Марина Ивановна бескомпромиссно начала выполнять, поставленную ей самой задачу – жесткую экономию, беспрекословное подчинение.

Большинство руководителей-начальников, больших и маленьких, хотели бы вести себя так, подчинить себе полностью своих подданных, но мало кому удастся этого добиться. А директрисе-управляющей лагерной кухней это удалось в полной мере. Она не кричала, не ругалась, только смотрела, но так, как смотрит змея, собирающаяся проглотить кролика. Ее холодные глаза были повсюду. Рано утром она открывала кухонные двери, но не все, а только те, которые требовались в данный момент. Присутствовала при получении продуктов, разделке мяса, порционной нарезке колбасы, сыра, фруктов и всего остального. Она была повсюду. Стояла на раздаче и без всякого стеснения и внутреннего беспокойства говорила.

– По одному кусочку колбасы и масла.

А колечки колбасы были нарезаны так тонко, что через них можно было читать газету, а порции масла были с детский ноготь. И все молчали – сказать даже соседу, может стать себе дороже. И не без оснований. Увольнялись сотрудницы за малейшее нарушение. Кому кризис, а кому мать родная. Даже зарплаты были уменьшены – кризис. За летний период, с подачи директрисы, кухонный состав сменился полностью не раз. Она безжалостно, не моргнув глазом, уволила сотрудницу только за то, что та на ее глазах съела лишнюю сосиску. Под этот жернов попала и сожительница Ахмета. Ахмет очень расстроился и даже хотел уйти из лагеря, но поразмыслив, не решился, стерпел и остался. Порой порционных блюд не хватало поварихам и посудомойкам. Абсурд – повара не доедали. Остающиеся иногда продукты – нарезка, фрукты, сладости, немедленно, под пристальным присмотром Марины Ивановны отправлялись на склад. С ее подачи, родители могли посещать своих чад с шести утра до поздней ночи ежедневно, пронося на территорию огромные баулы со сладостями. Нахватавшись подарков, дети меньше ели в столовой или пропускали кормежку вообще. Обслуживающий персонал – обслуга, питалась в столовой, но рацион отличался от детского в сторону уменьшения. Марина Ивановна без всякого стеснения заявляла.

– Это только детям, сотрудникам не положено.

Однажды на кухню заглянула, бывшая в прошлом году, повариха. Ее знакомая, обрадовавшись встрече сказала.

– В прошлом году на кухне было весело. На что тут же среагировала Марина Ивановна.

– У нас тоже смеха хватает за рабочий день.

Видимо сорвавшись, молоденькая посудомойка добавила.

– Так весело, что просто обхохочешься. Этот сарказм Марина Ивановна пропустила мимо ушей. Опытная повариха, повидавшая много кухонь на своем веку, едва доработав смену, уволилась по собственному желанию и уходя с территории лагеря не удержалась и пожаловалась пожилой сторожихе.

– На кухне, как в тюрьме, куда не сунься ее глаза, ну прямо шаг вправо, шаг влево – побег-увольнение, губы улыбаются, а взгляд ледяной, змеиный. Едва смену доработала.

Единственным и непримиримым, открытым противником директрисы – стала бухгалтер. Их война началась с самого начала, как только Марина Ивановна появилась на кухне. Ее должность, по мнению бухгалтерши незаконна, не предусмотрена штатным расписанием и хотя директор своим распоряжением как бы узаконил пребывание жены на кухне, но с этим согласиться Валентина Егоровна не могла и не хотела. Две женщины в борьбе за приобретением, распределением и расходованием продуктов сцепились мертвой схваткой. Обе примерно одного возраста, обе не зависимые друг от друга, или хотели быть таковыми, стали злейшими врагами. За спиной Марины Ивановны послушный муж-директор, за Валентиной Егоровной, как она считала – право. Никто не хотел уступать. Они перестали здороваться, избегали, по мере возможности общения и ненавидели друг друга лютой ненавистью. Дело приближалось к банальной женской драке, бессмысленной и беспощадной. В конфликт был втянут и директор, у которого тоже было полно не вполне законных дел. Война готова была выйти на уровень руководства всего оборонного комплекса, чего очень не хотелось директору, да и бухгалтерша не знала, чем все это может кончиться. Так и воевали женщины все лето с переменным успехом. Марина Ивановна с нетерпением ждала конца сезона, а Валентина Егоровна надеялась доказать свою правоту или хотя бы крупно навредить и после отдыха детей.

Самой Марине Ивановне летняя компания на кухне досталась не легко. В минуту откровения она все же пожаловалась знакомой, может единственной, кто относился к ней с участием.

– Устала, сил больше нет, не дождусь, когда кончится эта каторга.

И внешний вид ее изменился, она уже не выглядела такой молодой и свежей. Ее полтинник стал проглядываться более отчетливо, велосипедные прогулки прекратились и после обеда Марина иногда запиралась у себя в комнате, с тоской глядела на себя в зеркало и ложилась отдохнуть. Вместе с тем, хотя оклад ей муж положил и не большой, от греха подальше, она регулярно получала повышенную премию и на складе скопилось много продуктов, которые реализовывались для питания приезжающих осенью пенсионеров и сезонных рабочих, нанятых для ремонта коммуникаций. В общем за летний период Марина Ивановна и Иван Леонидович положили на свои отдельные счета в банке по приличной сумме. Компенсировали их нервные затраты эти деньги или нет? На это они скорее ответили бы утвердительно, нежели нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.